

ВАЛЕНТИНА ВЕРЕМЕНКО / VALENTINA VEREMENKO

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5217-5609>

ЛЮБОВЬ САМАРИНА / LUBOV SAMARINA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4023-6686>

Pushkin Leningrad State University

МУЖСКАЯ ПРИСЛУГА В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: ОТ ДВОРНИ К АРТЕЛИ¹

Male Servants in Russia in the Second Half of the 19th – at the Beginning of the 20th Century: from Domestic to Workmen's Cooperative Association²

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, отмена крепостного права, дворня, прислуга, артель, сфера услуг, хозяева

KEYWORDS: Russia, abolition of serfdom, domestics, servant, artel, service industry, owners

АБСТРАКТ: The article analyzes the changes occurred as a result of the abolition of serfdom in the position of persons who were in service. Status and responsibilities of male domestics is characterized, attention is drawn to the patriarchal-family nature of relationships between masters and servants. In the post-reform period owners were more interested in cheapness and lack of specialization of domestic servants, which resulted in a significant reduction of the male part of it. At the same time, it was impossible to completely abandon the services of male employees. As a result, there was a need to hire these people for temporary work. For the male servants considerable benefits were provided by formation of comradesly associations, artels, functioning in accordance with their charters. This system, unlike personal hiring, has changed the functions and status of each employee. The level of responsibility has risen, financial obligations have appeared, but also guarantees emerged: for customers guarantees of high-quality performance of work, for performers guaranteed payment, clearly defined amount of work, protection of honor and dignity. A new form of social production has formed – the service industry.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

² The research is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 19-09-00297.

Введение

Модернизация социально-экономической сферы России в середине XIX столетия привела к появлению крупной социальной группы, в которую вошли представители сферы услуг – прислуга. Услужение могло быть личным (например, домашняя прислуга) или общественным (наем посредством общественных организаций или работа в общественных учреждениях). В этой сфере занятости участвовали и мужчины, и женщины, и дети (с самого раннего возраста – 5–6 лет и до совершеннолетия). Несмотря на то, что данная группа населения составляла в пореформенный период несколько миллионов человек и была сопоставима по численности с российским рабочим классом, исследований, характеризующих социальный статус и положение прислуги, крайне мало. Одним из авторов было написано несколько статей о домашней прислуге, среди которой преобладали женщины (Веремко 2013; 2017а). В монографии И. В. Синовой (2014), исследующей жизнь детей трудящегося населения, есть несколько страниц, посвященных малолетней прислуге. В данной статье речь пойдет об эволюции положения мужчин, работавших в услужении в России во второй половине XIX – начале XX вв.

1. Дворня – социальный феномен крепостнической России

В середине XIX в. дворня как обязательный элемент крепостного хозяйства была довольно многочисленной, особенно в деревне. Важно отметить два характерных обстоятельства. Во-первых, чем обеспеченнее семья, тем больше у нее среди слуг было мужчин, и во-вторых, среди прислуги присутствовала специализация, функции каждого были строго определены и ограничены. Мужская прислуга была представлена: дворецким, камердинером, поваром (в богатых семьях это не крепостной, а наемный, подчас иностранец); буфетчиком; швейцаром; кучером (кучерами), лакеем (лакеями), у офицеров к последним добавлялись (или замещали крепостных) денщики; «мальчиками-на-посылках», значительной группой лиц, занятой хозяйственными работами по дому и в усадьбе (дворники, истопники, каретники, плотники, садовники и др.), а также прислугой для охоты и развлечений (оркестрантами, шутами, карлами и т.д.). Жила мужская дворня либо в общих помещениях – людских, как правило, примыкавших к месту их постоянной службы – кухням, прачечным, конюшням, оранжереям, псарням и т.д., либо в отдельных комнатах с женами, также находившимися в услужении в поместье. Жилье дворни было снабжено необходимыми вещами и утварью, они ежемесячно обеспечивались продуктами и дровами (Веремко 2014).

Численность прислуги могла варьироваться от 3–4 до нескольких десятков человек. Так, например, в усадьбе И. И. Михельсона Иваново организацией господского быта занимались следующие представители мужской дворни: дворецкий, писарь, кондитер, 11 лакеев, 2 парикмахера, 5 поваров, 4 кучера, 15 конюхов, подлекарь, 5 портных, 5 садовников, 5 ткачей, 4 пекаря, 4 охотника, по три сапожника, башмачника, столяра, каретника, медника, 4 кузнеца, 4 каменщика, 35 музыкантов и 35 певчих (Васильева 2011, 30).

Для большинства помещиков количество дворни определялось не экономической целесообразностью, а соображениями престижа и статуса. Возникшее в связи с этим очевидное превышение необходимого числа домашних работников приводило к специализации функций многих из них. Отдельный слуга, приставленный к тому или иному делу, не занимался ничем другим, проводя значительную часть своего дня в бесцельном хождении по усадьбе или просто устроившись поспать в укромном уголке (Веремченко 2014; Рузвельт, 2008).

Вот как подобное положение, с определенной долей преувеличения, но в целом отражая ситуацию, описывалось в экономической литературе накануне отмены крепостного права:

[...] От того, что Мишка ездит в лес за дровами, его держат и кормят... Мишке мало дела, ему скучно, может быть и грустно, и часто с горя, а иногда и от нечего делать Мишка женится, и от него пойдет многочисленное потомство Мишек и Васек, которых нужно будет поить, кормить и одевать, пока они малы, ломать себе голову, чтоб придумать им работу, когда они вырастут, опять содержать их когда они будут стары [...] (М.В., 1859б, 12-13).

Содержание большого числа лишних людей действительно тяжелым бременем ложилось на поместье, а экономия достигалась путем ограничения их питания и ухудшения условий жизни. Все это вместе, в свою очередь, способствовало распространению воровства и пьянства дворни, особенно мужской ее части, стимулировало ее желание еще более уклониться от работы.

Проблема «лодырей», «пьяниц» и «воров» традиционно решалась в крепостном хозяйстве использованием разного рода физических наказаний от «правильно организованной» еженедельной порки, до избиений в «порыве гнева», «чем под руку подвернется» (Рузвельт 2008, 336-337). Важно отметить, что эти «домашние наказания» собственно наказанием не считались, а рассматривались как способ воспитания и нравственного поучения (Соловьев 1998, 23).

За особо серьезные провинности – побег, откровенную «дерзость» и порчу господского имущества – полагались действительно жестокие наказания. Так, например, «смертная порка» стала карой для одного из кучеров

А. Кропоткина, не сумевшего уберечь господскую лошадь (ОР РНБ. Ф. 601. Д. 1196. Л. 83-85). Жестокость наказаний за порчу имущества объяснялась, прежде всего, тем, что сколько бы не растратил дворовый человек, «убыток всегда покрывался с господского кармана» (Карпинская 1897, 867), ведь с самой дворни взять было нечего.

«Дерзость», открытая критика хозяйских действий, опасная возможным подстрекательством к «бунту», как правило, оборачивались ссылкой виновного в Сибирь. Такая участь постигла, например, повара помещицы Е. В. Шишковой, за то, что он «восставал против отрезания кос у молодых девушек, нарушавших законы строгой нравственности, громко порицал систему двойного оброка, к которой прибегала помещица в тех случаях, когда ей предстояли особые расходы» (Соколова 1917, 83).

Таким образом, в дореформенной России практически ни один господский дом в городе и, тем более, поместье не обходился без мужской дворни, которая, как правило, выполняла специализированные функции, а траты на нее, подчас значительно превышали получаемые с ее труда доходы.

2. Пореформенная домашняя прислуга: утилитаризм и замена мужчин общественными работниками

Отмена крепостного права принесла во многие дворянские семьи, как столичные, так и провинциальные, качественные изменения. Помещики более не могли позволить себе кормить (а теперь им надо было еще и платить) такое же как раньше количество лишних людей (М.В., 1859а).

Были, конечно, и такие дворяне, которые пытались сохранить привычный уклад жизни. Например, по воспоминанию Б. Б. Глинского, в усадьбе Сергеевка, Тамбовской губернии старая дворня потребовала себе места, хлеба и жалования за свободный и наемный труд. Хозяева пошли на это. В ответ прислуга стала приводить себе «в помощь» родственников. «Господа отнеслись к этому равнодушно и поглядели на это семейное приращение дворни сквозь пальцы». Хозяйство не улучшалось, «там, где несколько человек могли свободно управиться с работой, оказывается двойной комплект, но работа оттого не только не выигрывала, но даже теряла, так как все эти дубликаты между собой ссорились, препирались и старались друг на друга свалить дело». Денег не хватало и Сергеевку заложили для «усиления оборотного капитала» поместья. Итогом же такого хозяйствования стало полное разорение усадьбы, а ее «дворовые обитатели» спились (Глинский 1894).

Таким образом, по разным причинам: сознательной экономии или разорения, но уже первое пореформенное поколение дворян выросло при

значительно меньшей прислуге, удивляясь привычкам своих предшественников: «Теперь и самой-то не верится, куда такое множество народа держать, а тогда так было принято» – поражалась княгиня Е. Мещерская (Толстая 1908, 9).

В связи с ухудшением материального положения дворянских семей, и происходившим одновременно ростом числа чиновничье-мещанских семей среднего достатка, предъявлялись новые требования к ныне свободным лицам, работавшим по найму. Главными из них стали дешевизна и отсутствие специализации (Верременко 2013). Под сокращение попала, прежде всего, более дорогая и специализированная мужская прислуга.

Если к 80-м гг. XIX в. в дворянских, прежде всего поместных, домах еще сохранились слуги-мужчины, то это были преимущественно старые дворовые и их дети, которые просто не знали, куда идти и как организовать свою жизнь, предпочитая работу за еду, кров и минимальное вознаграждение (Волконский 2004, 14). В таких старых дворянских гнездах, как, например, описанная М. А. Стаховичем Пальна, еще и через тридцать лет после отмены крепостного права, встречались «бородатый степенный ключник, бритые буфетчики в длиннополых сюртуках и нитяных перчатках». Всё это «напоминало крепостные времена, да и некоторые из них еще и были когда-то крепостными» (Краснова 2001, 245).

Постепенно это поколение уходило. И цена домашнего слуги оказывалась все более зависимой от цен на другие виды труда. В результате нанять на домашние работы мужчину дешевле, чем за 10-12 руб. в месяц уже не представлялось возможным (Рыкачев 1911; Широкогоров 2006).

С другой стороны, хотя с отказом от собственного выезда из господской семьи уходил кучер, а с переездом в съемную квартиру – дворник и швейцар, это совершенно не означало, что данные профессии вообще исчезали. Просто менялся статус работника, который из личного слуги превращался в общественного, а то и государственного служащего, а значительная часть функций, ранее принадлежавших домашней мужской прислуге переходила теперь в сферу общественных работ. Так, например, в секретной полицейской инструкции «По предупреждению и пресечению сборищ и уличных беспорядков», изданной в середине 1880-х гг., среди прочего был расписан и план действий дворников «в целях недопущения волнений». Пункт 12 инструкции гласил:

Дворники обязаны, днем и ночью, нести у ворот своих домов постоянное суточное дежурство. Имея бдительный надзор за охраной домов и немедленно задерживать подозрительных лиц. Дворники обязаны не допускать сборищ у ворот и подъездов домов (ЦГИА СПб. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 2. Л. 76).

Очевидно, что подобные полномочия более подходили чинам полиции, чем подсобным домашним рабочим.

Присутствие в семье повара стало редчайшим исключением, символизирующим «невероятное» богатство его хозяев. Например, среди сотен представителей вполне обеспеченной, по общему мнению, семьи дворян-коммерсантов Яфа в 1880-х гг. только в одном доме – А. Ф. Александровой-Дольник – был повар-француз, занимавшийся кулинарными экспериментами совместно с хозяйкой и ее друзьями (ОР РНБ. Ф. 163. Д. 313. Л. 71-73). В то же время, блюда для торжественного приема, всевозможные куличи, пасхи и т.д. на праздник, а то и просто ежедневные «домашние обеды» при желании можно было заказать в ресторанах, кондитерских или кухмистерских (столовых). На случай большого домашнего банкета можно было нанять и лакеев (официантов). Объявления с предложением подобных разнообразных услуг постоянно печатались в газетах (см. Биржевые Ведомости 1877; Богданов 1991; Веремко 2017б).

Собственный же экипаж с ливрейным лакеем в конце XIX в. казался жителям столицы Российской империи уже не демонстрацией богатства, а скорее признаком старосветскости и провинциальности. Вот как, с очевидной иронией, описывает внучка генерала, первую в своей жизни встречу с ливрейным лакеем, состоявшуюся в 1885 г.:

Среди зимы в Петербург вернулся из Сибири, где он занимал крупный административный пост, [...] Дмитрий Матвеевич Ходкевич, со второй женой своей [...] Софьей Николаевной. Навсегда запомнился их первый визит к нам: они приехали на собственной лошади, в саних с медвежьей полостью, толстым кучером на козлах и ливрейным лакеем на запятках, в сопровождении большого черного сеттера с рыжими подпалинами. Сеттер со своими господами проследовал в гостиную и улегся на ковер у ног Дмитрия Матвеевича, а ливрейный лакей во все продолжение визита просидел на вытяжку в нашей темной прихожей, держа в объятиях перекинутые через руки генеральскую шинель Дмитрия Матвеевича и ротонду Софьи Николаевны. Это выглядело тем глупее, что сидел он прямо против пустой вешалки, которой почему-то боялся доверить драгоценные одежды своих господ. Когда Ходкевичи распрощались и, в сопровождении лакея и собаки, вышли из нашей квартиры, я бросилась к окну гостиной, чтобы посмотреть, как они будут усаживаться в сани: лакей поддерживал их под локти, потом, застегнув полость, встал на запятки – и сани скрылись из виду (ОР РНБ. Ф. 163. Д. 314. Л. 62-63 об.).

Основная же масса вполне обеспеченных дворянских семей уже с 1880-х гг. отказалась от труда лакеев, заменив их «общественной прислугой», нанимаемой для выполнения конкретных разовых поручений (напр., отправка корреспонденции, доставка товаров, личные услуги и т.д.) через разного рода конторы и артели (Самарина 2015; Веремко 2017б).

Таким образом, не имея возможности содержать мужскую домашнюю прислугу, но периодически нуждаясь в ее услугах, хозяева пытались нанять себе работника для выполнения временных поручений. Подобный спрос стимулировал создание общественных организаций (артелей) прислуги, предлагавших широкий спектр услуг за небольшую, фиксированную плату.

3. Пореформенная прислуга – состав и численность

Одним из первых статистических источников о численности находящихся в услужении лиц стала Всероссийская перепись населения 1897 г. Результат переписи показывает, что в статусе прислуги находилось 1.621.755 женщин и 1.586.450 мужчин (Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения..., 1905, V). При анализе и сравнении числовых показателей следует отметить следующие факторы, повлиявшие на результат переписи: во-первых, в число прислуги вошли только те, для кого услужение было основным источником дохода. Вместе с тем, часто было распространено «совмещение» деятельности, когда крестьяне подрабатывали в качестве прислуги, – эта группа в статистику не попала. Недаром современники, анализируя данные переписей, обязательно подчеркивали, что «перепись населения никогда не может дать полной картины экономических сил промышленности, определить даже полного числа работников в любой отрасли производства уже потому одному, что она не дает побочных занятий множества лиц их имеющих» (Бернштейн-Коган 1910, 4).

Во-вторых, следует учитывать сложность классификации прислуги. После крестьянской реформы 1861 г. прислуга не была оформлена документально или даже в общественном сознании как группа с определенным набором характеристик, в результате чего часто трудно было провести границу между прислугой и представителем другого ремесла или занятия. Например, акушерка, швея или шофер, считались лицами находящимися в услужении и были отнесены составителями переписи к прислуге.

По данным распределения рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основе той же переписи 1897 г. к прислуге было отнесено всего 2113121 чел., из которых 1336322 женщины (63,3%), 766799 (36,7%) мужчины. Еще более впечатляющим выглядит соотношение полов в группе домашней прислуги. Из 1556987 чел., показавших работу в частном услужении как свое основное занятие, женщин оказалось – 1288797 чел. или на 100 работавших мужчин приходилось – 480,5 женщин (Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных

первой всеобщей переписи населения..., 1905, VII). Такой дисбаланс привел к возникновению стереотипа, что работа прислугой – женское занятие.

Центральный статистический комитет опубликовал также результаты Первой всеобщей переписи населения Империи 1897 г. отдельно в столице. Удобство данной формы публикации в детализации показателей, что дает возможность оценить, какие сферы деятельности относились, по оценке составителей переписи, к сфере услуг. Так, например, в прислугу были записаны следующие, очевидно, мужские специальности: 1) служители, сторожа и прочие административного и судебного ведомства (8719 чел.); 2) служители, рассыльные, сторожа и прочие в общественных и сословных учреждениях (1531 чел.); 3) служители и рассыльные в частной юридической деятельности (346 чел.); 4) сторожа и прислуга в учебных заведениях (5151 чел.), [...] 11) полотеры и трубочисты (3513 чел.); 12) рабочие и служители, весовщики, станционная прислуга при железных дорогах (8248 чел.); 13) извозный промысел (36824 чел.); 14) содержание дорог, улиц и мостов (69 чел.); 15) переноска тяжестей (дрягили, крючники, носильщики и т.п.) (1114 чел.); 16) обслуживающие конножелезные дороги и omnibusы (3103 чел.); 17) служители, сторожа и рассыльные при почтах, телеграфах и телефонах (1126 чел.); 18) комиссионеры в торговом посредничестве: факторы, маклаки, посыльные и их артели, артельщики, подрядчики-поставщики и т.п. (10217 чел.) (Всеобщая перепись населения российской Империи 1897 г. 1903, 156-205).

Таким образом, материалы переписи доказывают, что мужская прислуга в конце XIX в. продолжала играть существенную роль в социальной структуре российского общества. Услужение являлось главным видом трудовой деятельности для более чем полутора миллионов человек. Вместе с тем, основной формой занятости мужчин в услужении была сфера общественного, а не домашнего труда. Создавалась новая форма общественного производства – сфера услуг, в которой преимущественно были заняты мужчины.

4. Артельная организация мужской прислуги – формирование сферы услуг в России

В пореформенный период в города устремились крестьяне, пытавшиеся найти себе работу, не требующую особой квалификации. Вместе с тем, трудности трудоустройства с одной стороны, и желание иметь определенные гарантии как в общении с потребителями, так и городской администрацией способствовали распространению артельных объединений работников, в основном, в отраслях труда, не требующих инвестиционных вкладов (Аверьянов и др. 2014, 205-206).

В такие артели объединялись, прежде всего, представители сферы услуг, чьим разовым трудом, заменив таким образом постоянное содержание дорогостоящей прислуги, могли воспользоваться и частные лица, и учреждения. Так, например, артель московских полотеров занималась производством «работ по натиранию полов мастикой и воском как в казенных, так и в частных домах Москвы» (уже в начале 80-х гг. XIX в. число участников артели составляло 100 чел.) (Устав Московской артели полотеров... 1882, 1). Южно-Русская артель официантов «приискивала разные работы», принимала «заказы на балы, званые и свадебные вечера со своей сервировкой и без нее». Открывала «рестораны, гуляния, столовые», брала «в аренду гардероб и буфеты при цирках, театрах, клубах и т.д.; ... буфеты на станциях железных дорог», отдавала «в прокат сервировку и обстановку к столу» (Южно-Русская артель официантов в Одессе... 1901, 5). Артель домовых дворников и сторожей основной задачей видела предоставление дворников «для очередного дежурства и для исполнения... обязанностей по надзору за внешним порядком и общественной безопасностью» (Положение об артели домовых дворников... 1909, 1). Варшавская артель посыльных предлагала «прислуживать на определенное время, чистить на улицах платье и сапоги, продавать на улицах афиши, газеты и календари, натирать полы и прочее» (Устав Варшавской артели посыльных 1905, 1). Трудовая артель шоферов в С.-Петербурге занималась «автомобильным извозным промыслом» (Устав трудовой артели шоферов 1913, 3).

Таким образом, артели прислуги формировались как добровольные (товарищеские) объединения работников с приоритетом личного трудового вклада участников, создаваемые для совместной деятельности на началах самоуправления, солидарности и взаимной ответственности (Аверьянов и др. 2014, 9). Характерно, что артели сразу заявили о себе как об организациях, объединявших исключительно мужчин. Помимо пола устанавливались следующие ограничения: кандидаты должны были быть совершеннолетними, (но в полотеры в качестве учеников принимали 14-летних, в посыльные брали с 17 лет), по возможности грамотные, не имевшие судимости и «безукоризненного поведения» (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 4. Д. 7. Л. 1). Так же для вступления требовалось внести единовременный взнос (залог), который составлял от 10 до 200 р. (Положение об артели домовых дворников 1909, 13-14; Устав Варшавской артели 1905, 8-20).

Размер взноса зависел от профиля артели и степени ее организации. Так, например, одной из наиболее сложных профессий считалась работа дворника, деятельность которого, как уже отмечалось, сочетала в себе функции личной прислуги и исполнителя полицейских функций по поддержанию общественного порядка. Большое количество разнообразных обязанностей подразумевало тройное подчинение одного человека – дворник был под кон-

тролем полиции, выполнял правила и распорядок артели, и непосредственно служил хозяину дома. Поскольку артель брала на себя ответственность за ведение финансовых дел, и контролировала взаимные обязанности работодателя и работника посредством заключаемого договора, артельщик имел гарантию безопасности своего труда, и защиту прав, что являлось выгодным отличием положения артельщика от самостоятельного работника. С учетом данного факта для поступления в подобную артель требовалось не только внести самый крупный залог – 200 р., но и представить поручительство и рекомендацию трех ее членов (Положение об артели домовых дворников 1909, 13-14; ЦГИА СПб. Ф. 563. Оп. 4. Д. 7. Л. 2-5).

В первые пореформенные десятилетия преобладали артели, которые не имели официальной регистрации, делопроизводства и контроля финансов. У них отсутствовала форма работников и правила организации труда. Фактически они представляли собой бригаду, сбившуюся из безработных, безденежных людей без специальных навыков. В условиях увеличения конкуренции между артелями, предоставлявшими одинаковые услуги, повышались требования к желающим вступить в организацию – это и увеличение залога (вступительного взноса в артель), и образование, и профессиональные умения, и опыт работы соискателя. Для закрепления на рынке и увеличения клиентуры, возникала потребность в официальной регистрации артели, а это означала необходимость подготовки устава, в котором были бы отражены условия поступления, направления деятельности, правила оказания помощи потерявшим трудоспособность членам артели и их семьям, ответственность за прогулы, хищение или утрату имущества артели или клиентов и т.д. Контроль за финансами артели, организация деятельности требовали выделения из ее состава «Правления», которое включало в свой состав 3-5 членов, избираемых общим собранием. Во главе правления становился староста (председатель). Для решения наиболее важных вопросов, определения такс вознаграждений, проверки бюджета и перевыборов руководства периодически собирались Общие собрания (см. напр. Устав С.-Петербургской артели полотеров... 1904, 15-18; Тариф Рижской артели посыльных 1897, 3-15).

Принципиальным отличием от произвольно расширяющегося списка обязанностей домашней прислуги (Веремenco 2013) являлась обязательная тарифицированная оплата каждой произведенной артельщиком операции, прайс-лист утверждался градоначальником. Вот, например, какие тарифы устанавливались посыльным московской конторы Е. Кевнарской: курс с ношей до 10 фунтов в центре города (Китай-город, Кремль) оценивался в 10 коп.; такой же курс с обратным устным или письменным ответом 20 коп. Курс из центра до второго района (до бульваров и реки Москвы) с ответом оплачивался 30 коп.; за каждый более удаленный район добавлялось 10 коп.

Ожидание ответа в пределах 10 мин. осуществлялось бесплатно, за более продолжительное время начислялась плата. За пересылку тяжестей более 10 фунтов доплачивалось за каждые 10 фунтов по 10 коп. Посыльных можно было нанять заранее на определенное время, за это также доплата от 20 коп. (за полчаса) до 1 р. 80 коп. (24 часа); за каждый день свыше одних суток доплачивалось по 1 р. 50 коп.

За домашние услуги – чистку платья, постановку самовара, принесение воды, отопление печи в зимние месяцы один раз в сутки – с каждого лица устанавливалась оплата в месяц 5 р. За переноску мебели оплата определялась по времени, занимаемому в сутки от 1 р. 20 коп. до 2 р. За переноску фортепиано платили посыльному по договору. На все прочие услуги, не перечисленные в тарифе, также за перевозку тяжестей лошадьми, следовало заключить условия в Главной конторе (Тариф платы за услуги посыльных 1894, 1-4).

Большое значение придавалось внешнему облику представителей сферы услуг. Так, например, для Варшавской артели посыльных была установлена следующая форма одежды: «летом темно-серая блуза, зимой того же цвета шинель с красным кантом на воротнике, шапка красного цвета с козырьком и медным значком на околышке с надписью на русском и польском языках «посыльный»; на левой стороне груди посыльные носят медную бляху с обозначением номера и надписью на русском и польском языках «артель посыльных», и опоясываются черным кожаным кушаком с металлическим номером» (Устав Варшавской артели посыльных 1905, 30).

В случае серьезных проступков или преступлений (например, утайка или подмена вверенных вещей), виновных исключали из артели по приговору общего собрания, с лишением права на возврат сделанных в артель взносов и получение причитающихся на их долю артельных прибылей (Устав первой С.-Петербургской артели посыльных 1904, 11-18).

В крупных городах, таким как столица Российской империи, при существовании нескольких конкурирующих артелей постепенно определялась регламентация их деятельности, обеспечивавшая возможность не пересечения интересов отдельных групп. Так, например, в начале XX в. в С.-Петербурге, где одновременно действовало более пяти артелей посыльных, их конторы договаривались между собой о местах дежурства посыльных и переносчиков, и каждой мобильной группой артельщиков управляли десятники, что позволяло вовремя распределять ресурсы, так чтобы работы хватало на всех (Устав первой С.-Петербургской артели посыльных 1904; Устав С.-Петербургской 5-ой артели 1905; Устав С.-Петербургской 6-й артели 1902).

Таким образом, товарищеская артель, в отличие от личного найма, изменила функции и статус каждого работника. Повысился уровень ответственности, появились финансовые обязательства, однако появились и гарантии: для

заказчиков – качественного исполнения работы, для исполнителей – оплата, четко определенный объем работы, защита чести и достоинства. Организованные артели несли ответственность за каждого своего члена, вели документацию и взаимодействовали с различными городскими организациями (органы власти, полиции, печати, крупные магазины и т.д.). Они стремились создать репутацию надежных исполнителей и заключать долговременные контракты с крупными заказчиками.

5. Заключение

Отмена крепостного права кардинальным образом отразилась на положении и статусе лиц, занятых в услужении. Бесправная дворня, в наибольшей степени отражала патерналистскую сущность российского крепостничества. С одной стороны, именно она могла стать объектом изощренного тиранства, с другой, получала гарантию обеспечения вне зависимости от экономической целесообразности.

Пореформенная эпоха вынудила капитализирующееся дворянство более рачительно подходить к найму прислуги. Однако полностью отказаться от услуг мужских работников даже жителям городов, а тем более помещикам не представлялось возможным. В этих условиях возникала потребность во временных работниках, готовых выполнять разовые поручения.

В свою очередь, для наиболее массовых категорий мужской прислуги, особенно тех, кто исполнял временные по характеру работы (извозчики, полотеры, печники, посыльные, грузчики), был выгодным бригадный вариант работы. Он выразился в создании большого количества товарищеских артелей, которые функционировали, полагаясь на строгую систему правил для участников и для нанимателей. Так «необразованная, грязная» прислуга обрела представительство в лице Правления артели и статус юридического лица, что позволило вступать в деловые контакты с администрацией города, полицией, крупными предприятиями, а также иметь кредитную историю в государственном банке и покупать ценные бумаги.

Библиография

- АВЕРЬЯНОВ/ВЕНЕДИКТОВ/КОЗЛОВ 2014: Aver'yanov, V. V./Venediktov, V. Yu./Kozlov, A. V. (2014), *Artel' i artel'nyu chelovek*. Moskva. [Аверьянов, В. В./Венедиктов, В. Ю./Козлов, А. В. (2014), *Артель и артельный человек*. Москва.]
- БЕРНШТЕЙН-КОГАН 1910: Bernshteyn-Kogan, S. V. (1910), *Chislennost', sostav i polozheniye peterburgskikh rabochikh*. Opyt statisticheskogo issledovaniya. Sankt-Peterburg. [Бернштейн-Коган, С. В. (1910), *Численность, состав и положение петербургских рабочих*. Опыт статистического исследования. Санкт-Петербург.]

- Биржевые Ведомости 1877: *Birzhevyue Vedomosti* (1877). 23 marta. [Биржевые Ведомости (1877). 23 марта.]
- БОГДАНОВ 1991: Bogdanov, I. A. (1991), *Grand-otel' «Yevropa» v Sankt-Peterburge*. Sankt-Peterburg. [Богданов, И. А. (1991), Гранд-отель «Европа» в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург.]
- ВАСИЛЬЕВА 2011: Vasil'yeva, Y. N. (2011), *Praktika povsednevnogo upravleniya imeniyem provintsial'nogo pomeshchika vo vtoroy chetverti XIX v. (po materialam Pskovskoy gubernii)*. In: *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo*. 63, 27-30. [Васильева, Ю.Н. (2011), Практика повседневного управления имением провинциального помещика во второй четверти XIX в. (по материалам Псковской губернии). В: Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 63, 27-30.]
- ВЕРЕМЕНКО 2013: Veremenko, V. A. (2013), „Dura v dome” – zhenskaya domashnyaya prisluga v dvoryanskikh sem'yakh Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. In: *Al'manakh gendernoy istorii „Adam i Yeva”*. 21, 241-273. [Веремченко, В. А. (2013), «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX вв. В: Альманах гендерной истории «Адам и Ева». 21, 241-273-]
- ВЕРЕМЕНКО 2014: Veremenko, V. A. (2014), *Dvornya v derevenskom sotsiуме Rossii (pervaya polovina XIX veka)*. In: *Rossiyskaya derevnya v XVIII–XXI v.: sotsiokul'turnoye izmereniye: sb. statey IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Orenburg*, 56-59. [Веремченко, В. А. (2014), Дворянство в деревенском социуме России (первая половина XIX века). В: Российская деревня в XVIII–XXI в.: социокультурное измерение: сб. статей IX Междунар. науч.-практ. конф. Оренбург, 56-59]
- ВЕРЕМЕНКО 2017a: Veremenko, V. A. (2017a), *Zhenskaya domashnyaya prisluga v Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.: sostoyaniye zdorov'ya i factory professional'noy zabolevayemosti*. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 19/3, 37-40. [Веремченко, В. А. (2017a), Женская домашняя прислуга в России второй половины XIX – начала XX в.: состояние здоровья и факторы профессиональной заболеваемости. В: Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 19/3, 37-40.]
- ВЕРЕМЕНКО 2017b: Veremenko, V. A. (2017b), *Khozyayka na kukhne: adaptatsionnyye praktiki v zhizni rossiyskoy dvoryanskoy sem'i vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. In: Ekstremal'noye v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (k 100-letiyu russkoy revolyutsii 1917 g.): materialy mezhdunar. nauch. konf., 16-18 marta 2017 g. Sankt-Peterburg*, 315-323. [Веремченко, В. А. (2017b), Хозяйка на кухне: адаптационные практики в жизни российской дворянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. В: Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы междунар. науч. конф., 16-18 марта 2017 г. Санкт-Петербург, 315-323.]
- ВОЛКОНСКИЙ 2004: Volkonskiy, S. M. (2004), *Moi vospominaniya: V 2 t. T. 2. Rodina. Vytybytiye*. Moskva. [Волконский, С. М. (2004), Мои воспоминания: В 2 т. Т. 2. Родина. Быт и бытие. Москва.]
- ГЛИНСКИЙ 1894: Glinskiy, B. B. (1894), *Iz letopisi usad'by Sergeevki*. In: *Istoricheskiy Vestnik*. 10, 57-85 [Глинский, Б. Б. (1894), Из летописи усадьбы Сергеевки. В: Исторический Вестник. 10, 57-85]
- КАРПИНСКАЯ 1897: Karpinskaya, Y. N. (1897), *Iz semeynoy khroniki*. In: *Istoricheskiy Vestnik*. 12, 853-870. [Карпинская, Ю. Н. (1897), Из семейной хроники. В: Исторический Вестник. 12, 853-870.]
- КРАСНОВА 2001: Krasnova, S. V. (2001), *Pal'na-Mikhaylovka – redkiy oazis kul'tury*. In: *Russkiye provintsial'nyye usad'by XVIII – nachala XX veka. Voronezh*. [Краснова, С. В. (2001), Пальна-Михайловка – редкий оазис культуры. В: Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века. Воронеж.]

- М. В. 1859b: M. V. (1859b.), Domashneye khozyaystvo. In: Ukazatel' politiko-ekonomicheskoy. Statisticheskoy i promyshlennoy zhurnal. 105, 12-14. [М. В. (1859б.), Домашнее хозяйство. В: Указатель политико-экономический. Статистический и промышленный журнал. 105, 12-14.]
- М. В. 1859a: M. V. (1859a), Dvorovyye lyudi. In: Vernadskiy, I. V. (red.), Ukazatel' politiko-ekonomicheskoy. Statisticheskoy i promyshlennoy zhurnal. 106, 34-38. [М. В. (1859а), Дворовые люди. В: Вернадский, И.В. (ред.), Указатель политико-экономический. Статистический и промышленный журнал. 106, 34-38.]
- Отдел рукописей: Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB). F. 163. D. 313. [Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 163. Д. 313.]
- Отдел рукописей: Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki. OR RNB. F. 163. D. 314. [Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. ОР РНБ. Ф. 163. Д. 314.]
- Отдел рукописей: Otdel Rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki. OR RNB. F. 601. D. 1196. [Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. ОР РНБ. Ф. 601. Д. 1196.]
- Положение об артели домовых дворников: Polozheniye ob arteli domovykh dvornikov i storozhey, uchrezhdennoy pri Moskovskoy kommercheskoy birzhevoy arteli (Utv. 17 iyunya 1909 g.). (1909). Moskva. [Положение об артели домовых дворников и сторожей, учрежденной при Московской коммерческой биржевой артели (Утв. 17 июня 1909 г.). (1909). Москва.]
- РУЗВЕЛЬТ 2008: Ruzvel't, P. (2008), Zhizn' v russkoy usad'be: opyt sotsial'noy i kul'turnoy istorii. Sankt-Peterburg. [Рузвельт, П. (2008), Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории. Санкт-Петербург.]
- РЫКАЧЕВ 1911: Rykachev, A. (1911), Tseny na khleb i trud v S.-Peterburge za 58 let. In: Vestnik finansov. 31, 25-27. [Рыкачев, А. (1911), Цены на хлеб и труд в С.-Петербурге за 58 лет. В: Вестник финансов. 31, 25-27.]
- САМАРИНА 2015: Samarina, L.A. (2015), Artel'naya organizatsiya raboty prisluzhi v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.(n apriamere ustavov arteley posyl'nykh, perevozchikov i perenoschikov). In: Skvortsov, V. N. (red.), XIX Tsarskosel'skiye chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 21–22 aprelya 2015 g. Sankt-Peterburg. I, 62-69. [Самарина, Л. А. (2015), Артельная организация работы прислуги в России в конце XIX – начале XX вв. (на примере уставов артелей посыльных, перевозчиков и переносчиков). В: Скворцов, В. Н. (ред.), XIX Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции, 21-22 апреля 2015 г. Санкт-Петербург. I, 62-69.]
- СИНОВА 2014: Sinova, I. V. (2014), Deti v gorodskom rossiyskom sotsiume vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: problem sotsializatsii, deviantnosti i zhestokogo obrashcheniya. Sankt-Peterburg. [Синова, И. В. (2014), Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX в.: проблемы социализации, девиантности и жестокого обращения. Санкт-Петербург.]
- СОКОЛОВА 1917: Sokolova, A.I. (1917), Dobrovol'naya zatvorshchitsa. In: Istoricheskiy Vestnik. 1, 78-85. [Соколова, А. И. (1917), Добровольная затворщица. В: Исторический Вестник. 1, 78-85.]
- СОЛОВЬЕВ 1998: Solov'yev, K. A. (1998), «Vo vkuse umnoy stariny...»: Usadbennyy byt rossiysko godvoryanstva II poloviny XVIII – I poloviny XIX vekov: Po vospominaniyam, pis'mam i dnevnikam: Ocherki. Sankt-Peterburg. [Соловьев, К. А. (1998), «Во вкусе умной старины...»: Усадебный быт российского дворянства II половины XVIII – I половины XIX веков: По воспоминаниям, письмам и дневникам: Очерки. Санкт-Петербург.]
- ТАРИФ ПЛАТЫ 1894: Tarif platy za uslugi posyl'nykh. Kontora Ye. Kevnarskoy, utverzhdenaya g. Ministrom vnutrennikh del 5 iyunya 1893 g. v Moskve. (1894). Moskva. [Тариф платы за услуги посыльных. Контора Е. Кевнарской, утвержденная г. Министром внутренних дел 5 июня 1893 г. в Москве. (1894). Москва.]
- ТАРИФ РИЖСКОЙ АРТЕЛИ 1897: Tarif Rizhskoy arteli posyl'nykh (Utv. 7 oktyabrya 1897 g.). (1897). Riga. [Тариф Рижской артели посыльных (Утв. 7 октября 1897 г.). (1897). Рига.]

- Толстая 1908: Tolstaya, M. N. (1908), *Iz Dnevnika Yekateriny Karamzinoy vposledstviy knyagini Meshcherskoy*. Sankt-Peterburg. [Толстая, М. Н. (1908), *Из Дневника Екатерины Карамзиной впоследствии княгини Мещерской*. Санкт-Петербург.]
- Тройницкий 1903: Troynitskiy, N. A. (red.) (1903), *Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii 1897 g.* II. Sankt-Peterburg. [Тройницкий, Н. А. (ред.)(1903), *Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г.* II. Санкт-Петербург.]
- Тройницкий/СТЕПАНОВА 1905: Troynitskiy, N./Stepanova, V. V. (red.) (1905), *Raspredeleniye rabochikh i prislugi po gruppam zanyatiy i po mestu rozhdeniya na osnovanii dannykh pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy Imperii 28 yanvarya 1897 goda*. Sankt-Peterburg. [Тройницкий, Н./Степанова, В. В. (ред.) (1905), *Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской Империи 28 января 1897 года*. Санкт-Петербург.]
- Устав Варшавской артели 1905: *Ustav Varshavskoy arteli posyl'nykh (Utv. 15 aprelya 1905 g.)*. (1905). Warszawa. [Устав Варшавской артели посыльных (Утв. 15 апреля 1905 г.). (1905). Варшава.]
- Устав Московской артели 1882: *Ustav Moskovskoy arteli poloterov (utv. 4 avgusta 1882 g.)*. (1882). Moskva. [Устав Московской артели полотеров (утв. 4 августа 1882 г.). (1882). Москва.]
- Устав первой С.-Петербургской артели 1879: *Ustav pervoy S.-Peterburgskoy arteli posyl'nykh (Utverzhden upravlyayushchim ministerstvom vnutrennikh del 6-go yanvarya 1879 g.)*. (1904). Sankt-Peterburg. [Устав первой С.-Петербургской артели посыльных (Утвержден управляющим министерством внутренних дел 6-го января 1879 г.). (1904). Санкт-Петербург.]
- Устав С.-Петербургской 5-й артели посыльных 1901: *Ustav S.-Peterburgskoy 5-oy arteli posyl'nykh (Utv. 28 marta 1901 g.)*. (1901). Sankt-Peterburg. [Устав С.-Петербургской 5-ой артели посыльных (Утв. 28 марта 1901 г.). (1901). Санкт-Петербург.]
- Устав С.-Петербургской 6-й артели посыльных 1902: *Ustav S.-Peterburgskoy 6-y arteli posyl'nykh (16 oktyabrya 1902 g.)*. (1902). Sankt-Peterburg. [Устав С.-Петербургской 6-й артели посыльных (16 октября 1902 г.). (1902). Санкт-Петербург.]
- Устав С.-Петербургской артели полотеров 1904: *Ustav S.-Peterburgskoy arteli poloterov*. (1904). Sankt-Peterburg. [Устав С.-Петербургской артели полотеров. (1904). Санкт-Петербург.]
- Устав трудовой артели шофферов 1913: *Ustav trudovoy arteli shofferov s S.-Peterburge*. (1913). Sankt-Peterburg. [Устав трудовой артели шофферов в С.-Петербурге. (1913). Санкт-Петербург.]
- Центральный государственный исторический архив: *Tsentral'nyu gosudarstvennyu istoricheskiy arkhiv g. S.-Peterburga*. F. 569. Op. 4. D. 7. [Центральный государственный исторический архив г. С.-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 569. Оп. 4. Д. 7.]
- Центральный государственный исторический архив: *Tsentral'nyu gosudarstvennyu istoricheskiy arkhiv g. S.-Peterburga*. F. 1696. Op. 1. D. 2. [Центральный государственный исторический архив г. С.-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 1696. Оп. 1. Д. 2.]
- Широкогоров 2006: Shirokogorov, V. L. (2006), *Tseny i oklady: dorevolyutsionnaya Rossiya*. In: *Pozitivnyu marketing*. 3, 6-8. [Широкогоров, В. Л. (2006), *Цены и оклады: дореволюционная Россия*. В: *Позитивный маркетинг*. 3, 6-8.]
- Южно-Русская артель официантов 1901: *Yuzhno-Russkaya artel' ofitsiantov v Odesse*. (1901). Odessa. [Южно-Русская артель официантов в Одессе. (1901). Одесса.]

